

АФИША

ИЗВЕСТИЯ

ПА КАРЕТНОМ листе застелили мостовые. Осень... жавит золото. Я иду из театра один и думаю про осень. Бывает ли что-нибудь красивей Листья так же желтые, что, по-моему, они светятся. Мне представляется: это они сейчас, вот-вот упадут и лежат, чтобы я не них смотрел. А может, они давно лежат! Может, полчасе раньше кто-то сбежит, расшвырявал их рифлеными подошвами башмаков и не видел... Я не смею ступить по кленовым ладам и останавливаюсь... Осень...

Отчего я так люблю театр!—спрашивают меня однажды. Я развожусь: вот новости! Один любит футбол, другой театр. Как глупо. Я должен был ответить серьезно. Театр делает меня жадным и жидким.

Сразу же после спектакля трудно быть беспристрастным. Даже Чернышевский замечал, что при первой встрече с произведением искусства можно целиком оказаться во власти его стихии и потерять способность взглянуть на него со стороны. А я ведь не критик, меня гонят в театр на служебный долг, на профессиональный интерес, а исключительно одна только любовь к сцене. Так что простое мое горячность первой реакции и не судите строго, если она окажется непохожей на вашу.

Я смотрел в Театре им. Ленинского комсомола «Сто четыре страницы про любовь». Спектакль яркий, интересный. Глубина его открывалась каждому своею. Я не стану пересказывать пьесу. Это — а стотысяч раз про любовь. Про то, как любовь расширяет человека. Я бы даже сказал, что вроде того, как она оформляет человека, если бы знал другое слово, такое же, но мягче.

Спектакль этот—как исповедь, которую боишься прервать, обнаружив свое присутствие. Он весь на одном дыхании. Я смотрел на актеров, которых знал и к которым относился с известным равнодушием, и удивлялся мне

ФИЛИАЛ МАЛОГО ТЕАТРА

«СВЕТИТ, ДА НЕ ГРЕЕТ»

Режиссер — М. Дарев.

Ревея — К. Рок.

значительную и двоякую интересную в лермонтовские дни композиции «Герой нашего времени». Я помню о лермонтовских днях и тут же спешу оговориться: спешить этот нимало не похож на сделанный «к случаю».

Признаюсь по чести, я весьма предубежден против литературных композиций. Еще не видя спектакля, я был готов выпалить в себебегущей многозначительности: «Ах, это и то театр. Режиссер опроверг мое мнение вполне—он открыл в материале театральности, наша острая театральную форму.

Возможно, критики станут говорить, что режиссерские «экзотизмы» здесь многовато. Это будет даже и не безосновательно. Дело в том, что режиссерские наводки, как бы интересны они ни

Одно могу сказать: смотреть это надо обязательно. Потому что это серьезно.

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ показал на этой неделе и Московский драматический театр им. Станиславского. Это пьеса известного чешского драматурга П. Когоута «Двенадцать».

Пьеса П. Когоута—рассказ о становлении коллектива, коллектива не по формальным признакам, а в истинном его значении. Двенадцать молодых людей, актеров, окончили вуз и решили все вместе поехать в один город, чтобы создать там свой театр. Они думали, что если спасли друг друга на экзаменах и вместе веселились на студенческих вечеринках, то они уже коллектив. Они думали, что приятельские привязанности—это дружба. Но оказалось, что каждый из двенадцати думает о жизни по-своему, и о том, какое место искусство займет в его жизни, и вообще о назначении искусства. Двенадцать совершенно разных людей. Жизнь обманула это. И только когда компания распалась, вместо нее родилась действительно коллектив единомышленников. Теперь мы верим: они начнут снова и победят.

пьесу А. Островского и Н. Соловьева «Светит, да не греет». Пьеса эта имеет долгую, но не очень большую сценическую историю. Ее ставили чаще всего в бенефис какого-то большого актера или актрисы. Впервые она была представлена на сцене Малого театра в 1880 году, в бенефис М. П. Садовского. Садовский исполнил роль Ребачева. Мне, конечно, видеть не довелось: событие это пришлось как раз на молодую пору моего, который в отличие от прадеда Станислава Петровича и деда, являлся театралом не был.

В том же спектакле рядом с Садовским молодой Ермолова создавала образ Оли. Очевидцы говорят, что это была высокая поэзия. Позже, когда пьесу возобновили в бенефис Н. И. Музыля, Мария Ермолова с огромным успехом исполнила роль Ревея.

В Петербурге в Александринском театре тоже играли «Светит, да не греет» в бенефис Ф. А. Бурдина (Худобина). А роль Оли исполнила молодая Мария Савина. О петербургской премьере Соловьев писал Островскому, что «вышел просто фуруор». Правда, я не могу сказать вам эти слова о нынешней премьере Малого, но Констанция Рова играла Ровушу прекрасно.

Минутами, когда я смотрел на нем не отрываясь, мне казалось, я совсем захвачен эмоциональной волной, мне казалось, что откровение этого страстного, непростого человека бесконечно и заражает меня... Но вылезли дружки, разглагольствовали о сцене и я безбашенно думал: ну и что мне за дело до всего до этого! Страницы, вовсе чужая история обитателей дворянской усадьбы ничего не говорила мне. А ведь скажи мне, что это бенефис Рова,

ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ
(Им. Таганки)

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Сценическая композиция
М. Зарина
и Ю. Леонова
по М. Лермонтову.

Режиссер — Ю. Любимов
Печорин — Г. Сабкин.
Грушницкий — В. Золотухин.

В спектакле заняты в основном театральные молодежки, и я думаю, что представление это, очень молодежко по духу, вызовет интерес молодежко московских.

МНЕ ПОДУМАЛОСЬ сегодня о бенефисе. Кому—как, а мне жалко, что отменили бенефисы. Бенефис актера... Специально ставится пьеса, которую он выбрал, с лучшей ролью для него. И интерес к такому спектаклю особый, исключительный. И все вообще празднично и торжественно необыкновенно. Нет, идея бенефиса положительна мне по душе.

Я неспроста, конечно, вспомнил о бенефисе. В филиале Малого я смотрел

ТЕАТР
им. МОССОВЕТА

«ОПЕЧАЛЕННАЯ СЕМЬЯ»

Постановка М. Воловича
(Южасович).

Агатов Агатов — Г. Сабкин.
Сара — Г. Ковенская.

казалось, они делали больше, чем способны были сделать. Правда, уже у вешали, уходя из театра, я слышал замечания и в адрес исполнителей, и в адрес пьесы, и не мог не согласиться—когда действительно «перезаля» и кое в чем пьеса показывала мне построенную «современных банальностей. Но мне не хочется говорить об этом сейчас. Сами все увидите.

ТАК УЖ ПОЛУЧИЛОСЬ, что о премьерках театрального сезона я начал рассказывать с конца. В этом была не только моя. В сущности это произошло по не зависящим от нас, зрителей, причинам.

В былые времена была такая традиция или мода, что им—театры начинали сезон одновременно. Это было для театралов как первое сентября для школьников. Но открытие нынешнего сезона растянулось на полтора месяца. Как уважительно себя театрал, я не пропустил ни одной премьеры. Меня похитили имени Констанция Рова и Георгий Сабкин свои актерские темпераменты и самоотверженностью, с которой только истинные знатоки сцены отдадут каждой новой роли. Что-то порадовало меня горячо, но что-то я был вкрайне зол. Теперь, как говорится, страсти улеглись, впечатления прояснились и я рассказываю лишь о том, что наиболее отчетливо сохранилось в памяти.

Но позволить мне уже продолжать в том «порядке», как я начал,—с конца. Московский театр драмы и комедии (им. Таганки) подготавливал и началу сезона

были, должны были непременно исполнены актерами, так сказать, реализованы ими, иначе они бросятся в глаза и могут выглядеть невнячными. Актерских свершений в спектакле пока еще мало—ощущение такое, что исполнители лишь примериваются. Примеривается и Н. Губенко—Печорин, хотя сразу надо сказать, что актерская его индивидуальность более чем интересна и общающаяся. Впрочем, к чему говорить об общении—он сыграл уже Артуру Уи в студенческом спектакле и лермонтовского человека из Сказаний, и кто любит театр, сразу почувствовал: пришел актер.

Но вернемся к спектаклю. Говорить об этом спектакле—значит говорить о Печорине. Человек этот может не только мыслить проникнуть в наше сознание и разбудить его, он интересен и заразителен как человеческая индивидуальность. Но так получилось, что Печорин словно бы все время в маске, он ледничен и тверд. А ведь Печорин мог «упасть на траву и как ребенок, заплакать». Помните, как говорит о нем Максим Максимович: «Он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чем говорил шутя. Такой уж был человек...» (я говорю о нем Бэке, что будет искать пули шальной, потому что должен наказать себя).

Меня огорчили только, что, понимая весь ход мысли режиссера, я был все-таки холоден на спектакле. Может быть, я стереомно, как мой прадед, но мне хватало большей эмоциональности,

ТЕАТР
им. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

«104 СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ»

Пьеса в 2-х действиях
Зей. Радзинского.

Режиссер — А. Эфрос.
Наталья — О. Яковлева.

я бы знал, что иду смотреть не в голые я, и в бы получил максимум удовольствия. Это актриса огромного дарования, обладающая исключительной силой воздействия на зрителя.

В ТЕАТРЕ Моссовета играют «Опечаленную семью» Бранислава Нушича. Маты был богат и скуп. Но даже и самый богатый человек на бессмертен. Наконец-то судьба улыбнулась его многогоспитным родственникам—Маты умер, и они собрались к его дому, чтобы разорвать его в клочья и унести с собой кусок погиреи. Они доказывали свою близость умершему, они возносили его, пока не выяснили, что Маты и после смерти смеется над ними...

С неподражаемым увлечением работавший пьесы Г. Сабкина. Он эрот, изобретал, его Агатов—волостный начальник—и одновременно наивный и непосредственный. Он воодушевлялся собственным временем, как истинный, он наслаждался своим хмельным востом и вместе с тем шед в нас сновидения, хотел заснуть, нашу чуждому. Он смешил необыкновенно именно своей серьезностью и серьезной страстью, с которой осуществлял свои глупые, на просвет явные максимизации. Можно ли в такой роли оставаться обязательным? А Сабкин не теряет своего актерского обаяния, не претит его, он даже становится его оружием... оружием сатиры. А средства сатиры неисчерпаемы. И соседство в одном спектакле Г. Сабкина и удивительной артистичности, умно готических Э. Новикова и А. Молдавской подтверждает это.

Что ни говорить—актер приносит театру радость неизменно. В наше время все твердят, что современный театр—это театр режиссера. Я, кстати, тоже исповедую—эту веру. Но равно как актерский талант истеряется без режиссера, жизнь режиссера—в руках актера.

На днях в театре встретился с известным ленинградским критиком и, разговаривая, узнал, что она работает над нигиром—«Режиссер оживает в актере». Помните у Станиславского было: режиссер умирает в актере. Очень интересная и нужная, может быть, книга. Не правда ли?

Ваш ЖИХАРЬ.